

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В ПЕРЕДИ уже давно видимый и все приближающийся рубеж шестидесятилетия. Время (и бремя!) подводить если не окончательные, то, во всяком случае, предварительные итоги. Тем более, что человек, идущий к этому рубежу (празднику или все же душевному испытанию?), — художник. Известный, даже знаменитый — работы его и в Третьяковке, и в Русском музее. Вот и монография о нем появилась.

С цитат из этой монографии и начинается новая повесть Сергея Баруздина «Само собой». Приведем из них одну, последнюю: «Без биографии нет человека, а художника — тем более». Она имеет самое прямое отношение к подзаголовку повести «Из жизни Алексея Горскова». «Из жизни...» — значит, не вся жизнь, для повести это было бы тяжеловато, неподъемно. Но «Из жизни...» — гут. дается понятие, что мы узнаем самое главное и существенное. И подразумевается манера повествования — эскизность, высветление отдельных эпизодов; брошен на них пучок света, взглядывайтесь внимательно, потому что пучок этот через одну-две страницы скользнет совсем в другое место — на тысячи верст и через несколько лет. Такая манера лишь по видимости проста, она требует строгости и выверенности, глубокой продуманности выбора материала и ясности стиля.

Сергей Баруздин пришел во взрослую литературу из детской. Там без ясности и четкости не обойдешься, как и без легкости — одного из магических средств доступности, мгновенности.

Сергей Баруздин. «Само собой. Из жизни Алексея Горскова». Повесть. Журнал «Москва». № 8. 1980.

венного читательского восприятия. Но, ничего доброго не утрачивая из раннего своего опыта, писатель во «взрослых» своих произведениях, естественно, «утяжелял» слово. Существует такое понятие — твердые пшеницы, у них особо ценный состав питательных веществ. Так вот, слово писателя обретало эту необходимую твердость. Лаконичность. Емкость. Серьезность и сдержанную выразительность.

В цитатах из монографии, которые, окольцовывая повесть, возникнут снова в конце ее, даны вехи жизни героя,

емый чем угодно, вплоть до неизбежных трагедий, иногда невидимых стороннему глазу, но оттого не менее тяжких. В самом высшем смысле и они благо, и без них поэт недоосуществится и, значит, утратит невосполнимое.

К счастью, вопреки афоризму автора монографии, сам Баруздин рисует судьбу художника. Нелегкую, очень нелегкую. «Тогда на фронте было не до живописи» — не фраза, а констатация суровой действительности.

Первым испытанием судьбы была финская война. А затем

Но в двадцать три, после финской, после смерти отца, ушел все же в армию. Так в то время, перед Великой войной, еще не зная о ней, но слыша сердцем ее подземные толчки, ее приближающийся гул, ухлудило в жизнь молодых поколение. Выбор молодого художника — в армию еще до войны, пока лишь в неясном предчувствии ее — был единственно верным для будущего таланта: без войны художник не состоялся бы, во всяком случае не было бы того самораскрытия таланта, какое потом осуществилось в судьбе

Вопреки устойчивому у нас представлению, думаю, и музы иногда могут замолкнуть, когда гремят пушки. До муз ли Горскову, если после тяжелейшего ранения он на месяцы теряет речь, саму память и долгое время выкарабкивается из небытия, уходит от верной смерти, а физически инвалидом остается на всю жизнь. И все-таки Горсков — по природе своей, по призванию своему истинный художник. И мысли о покинутом им из-за войны полузабытом призвании его все чаще посещают. Писатель «пробуждает» в герое его память о юношеском доверном влечении к искусству. И возвращает ему краски и кисти; он еще на войне начинал рисовать... Но есть в этом некоторая скоропалительность, неподготовленность... Нужны были бы, пользуясь горсковской терминологией, дополнительные мазки, удары кисти.

В повести опыт, размышления об искусстве сконцентрированы в начале и конце, как выдержки из монографии. Но мысли эти — в ряде случаев свежие, оригинальные — в итоге мысли самого автора. Они могли бы принадлежать и Алексею Горскову. Все чаще и чаще к концу войны посещают его воспоминания об академии — то гротескные, то возвышенные. Воспоминания о накопленном опыте, о школе. Линия внутреннего сюжета, движения героя-художника, его взросления и восхождения к вершинам собственного творчества автором намечена. Но повествование соскальзывает порой на скороговорку, пунктирность. Речь идет, как видите, о нехватке нескольких, но, полагаю, существенных мазков.

Под повестью стоит дата: 1973—1979. Немало времени отдал Сергей Баруздин этой, по-моему, лучшей своей вещи. Серьезной по замыслу и осуществлению.

А. КОНДРАТОВИЧ

ВЫБОР ПУТИ

а тем самым как бы и суть того, что нам собирается рассказывать писатель:

«В пятнадцать лет он плакал, читая Шиллера, Блока, Пушкина...

В двадцать мечтал о службе в Красной Армии, а попал в Академию художеств.

А потом год 1940-й и год 1941-й...

Тогда на фронте было не до живописи».

После чего и идет заключительная фраза: «Без биографии нет человека...»

Блок, правда, сказал иначе: «У поэта должна быть не карьера, а судьба». Под карьерой он, разумеется, понимал не продвижение по некоей служебной лестнице (какая она может быть у настоящего поэта?), а скорее сознательное стремление к успеху, а может, именно биографию. Хотя биография меньше судьбы. Судьба для поэта — его внутренний духовный рост, осложня-

— первая любовь, горячие споры, привязанности и знакомства, Академия художеств, куда Алексей поступил то ли по призванию, то ли случайно — сам еще не понимал. Юность может быть всякой, но реже всего — спокойно-аналитичной по отношению к себе. Метания, сомнения — это ей чаще свойственно. И начинающий, по мнению учителей, способный художник как раз не очень-то уверен: так ли он талантлив на самом деле. Нарисовав первую большую картину, Алексей вместе с тем занимается и торговой рекламой, и лозунгами, и панно к праздникам, и портретами стахановцев... И все хвалят. А он отчаянно и смятенно метался... Не нравилось. Чувствовал, кругом одни гупики. Академия учила. Даже так: «Академия дала Алексею чрезмерно много». Но жизни — душе искусства — она, в силу своей учебной специфики, не смогла серьезно учить. А что это значит — учиться жизни? Вовсе не простой вопрос.

А пока... «В двадцать мечтал о службе в Красной Армии, а попал в Академию художеств».

Алексея Горскова. К этой мысли нас убедительно подводит писатель. На долгое время он как бы забывает об искусстве и пишет только войну — в ее кровавом коловращении, без малейших умолчаний. Неожиданно и, пожалуй, впервые в нашей литературе показана разница между коренным советским населением Украины и только что, в тридцать девятом, прибывшим к ней и к новой власти. Я как читатель именно по этим страницам впервые понял начало будущей бандеровщины. В этой крови и жестокости происходит мужание, взросление души героя и незримое, неосознанное (до того ли!) накопление духовных богатств, без коих художника не бывает. Есть здесь мелкие огрехи. К примеру: артиллеристы ночью в темноте начинают стрелять прямой наводкой «куда-то вперед» и. «видимо, точно». Но важнее общая картина: Баруздин войну знает, уже не раз писал о ней, и из этой его новой повести мы узнаем о ней немало нового. Писатель нашел свои краски, свою правду о войне, на многих страницах впечатляющую.